

Нина Агишева

Барбара

**Скажи, когда
ты вернешься?**

История жизни
французской певицы

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А24

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Агишева, Нина.

А24 Барбара : Скажи, когда ты вернешься? / Нина Агишева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 256 с. — (На последнем дыхании).

ISBN 978-5-17-104705-4

Барбара – кто она? Что сегодня о ней знают в России? Дама в черном, поэт, композитор и певица – во Франции ее боготворят по сей день. Это песня Барбары звучала на траурной церемонии после парижских терактов в ноябре 2015-го: в моменты испытаний люди обращаются к тому, что является их душевным кодом. Это за ней с концерта на концерт колесило по Европе целое поколение французских интеллектуалов. Ее фотографию всегда носил с собой Морис Бежар. Услышав первый раз ее альбом, Михаил Барышников начал учить французский. Ее знаменитой песней, посвященной поклонникам, «Моя история любви — это вы» навсегда попрощался с публикой Ив Сен-Лоран. Ее обожал и снимал в кино Жак Брель, о ней написал воспоминания Жерар Депардье, сегодня ее песни в репертуаре Карлы Бруни и многих других исполнителей.

Книга известного театрального критика Нины Агишевой — это попытка разгадать загадку Барбары и воскресить время высокого романтизма в искусстве, пробудить в русском читателе и слушателе интерес к ее песням, которые нашли свое место и в новом веке.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104705-4

© Н. Агишева, 2017
© А. Л. Бондаренко, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

В России будет книга о Барбаре, певице, поэте и композиторе. О Барбаре, которую я помню всегда. Барбара смеялась, ее руки взлетали, как птицы, она смотрела на вас насмешливо и пристально — и знала о вас все просто по тому, как вы дышите, молчите, по вашему взгляду. Она учила вас жить так, как будто горя не существовало. Она обладала даром сострадания, была свободна в своих противоречиях и хранила верность Любви. Я хочу надеяться, что русские читатели и слушатели откроют для себя Барбару и ее песни.

ФАННИ АРДАН

A stylized, handwritten signature in black ink, likely belonging to Fanny Ardant. The signature is fluid and cursive, with long, sweeping strokes that extend to the left and right, creating a sense of movement and elegance.

Оглавление

Начало. Я — японка	9
ДЕТСТВО	13
Бабушка	18
Поезд из Блуа	21
Отец	26
Сен-Марселин. Поющая парижанка	35
БРЮССЕЛЬ	43
Месье Шарль	50
Месье Виктор	55
Месье Клод	58
ПАРИЖ	69
“Шлюз” — правильное название	77
Зеленый фломастер	83
Появляется он	90
Появляются песни	101

КОНЦЕРТЫ И ПЕСНИ 107

Rerlimpripin	112
“Пантен. 1981”	116
Flashback. “Бобино”	125
Flashback. “Олимпия”	132
“Шатле”. Триумф и финал	144

МУЖЧИНЫ 153

Люк Симон	158
Жак Брель	165
Люсьен Морисс	175
Роланд Романелли	182
Жерар Депардье и “Лили Пасьон”	194
Морис Бежар и Михаил Барышников	206

ОСЕНЬ В ПРЕСИ 217

Дом	224
Последний альбом	232
Ноябрь	240
Скажи, когда ты вернешься?	246

Библиография	249
Благодарности	251
Фотографии и иллюстрации	253

Посвящается моему мужу
Сергею Николаевичу,
который открыл мне
Францию и Барбару

Начало. Я — японка

Дело было в Париже. Мы с мужем возвращались из очередного пригорода и в поезде просматривали газету, чтобы по московской привычке определить, куда пойти вечером. Вдруг я прочла: *Kazue chante Barbara* (Казуэ поет Барбару). *Barbara*. Господи! К тому времени мы уже не просто знали, что это знаменитая французская певица, которую Франция обожала не меньше, чем Брассенса, Бреля, Гинзбура, а может, и больше, но заслушивались ее записями — нервными, тонкими, удивительными. Она была поэт и музыкант. Пела и аккомпанировала себе на рояле. Сама писала тексты песен. Пела нежным высоким голосом, неуловимо напоминающим интонации нашей Беллы Ахмадулиной. Записи ее концертов в “Олимпии” и “Шатле” сводили с ума: количеством абсолютно счастливых лиц в зале, ее диковинной пластикой и улетающим куда-то в небо голосом, а главное — полным слиянием зала и исполнителя. Это был экстаз: ей подпевали, в паузах первыми выкрикивали из зала слова песен и аплодировали так, будто случился самый последний концерт в их и ее жизни. Я начала учить французский. В Париже ску-

пала книги о ней — их оказалось на удивление много. Биографии, мемуары, дискография, даже толстый том текстов всех песен — отдельное спасибо от тех, для кого французский не родной. То есть он, конечно, родной, роднее некуда для русского человека, но какой же трудный!

Словом, мы отправились по указанному адресу на остров Сен-Луи, что в самом центре города. Я так волновалась, что совершенно забыла про какую-то Казуэ. Барбара. Это будут ее песни. В Париже. Всегда хочется надеяться на чудо: до сих пор в книжных магазинах внимательно просматриваю все имеющиеся в наличии романы Остин и Бронте, как будто может появиться новый... За полчаса до начала мы подошли к заветной двери самого обычного дома. Никого. За четверть часа из этой двери вышел благообразный седой господин и стал продавать билеты. В небольшой комнате стояло пианино и три ряда кресел. Нас, зрителей, было одиннадцать человек: две немолодые пары, три юные девушки, два гея и мы. На импровизированную сцену вышла... японка. Сильно за сорок. Не очень красивая. Когда она запела, стало ясно, что голоса у нее почти нет. Зато есть проблемы со слухом. Я опустила глаза, муж иронизировал надо мной и над всей этой ситуацией, французы сидели как ни в чем не бывало. После третьей песни произошло чудо: над нашими головами витал дух великой Барбары. Она не могла не прийти к тем, кто ее так любил, — к японке Мари Казуэ, подготовившей целую программу ее песен

и певшей их как-то благоговейно, временами закрывая глаза, к ее старым почитателям, узнававшим знакомые мелодии и улыбавшимся им, к девочкам с тату, пришедшим послушать Барбару. Нам всем было хорошо вместе, и в конце вечера мы с благодарностью принимали в дар диск: Мари Казуэ поет Барбару. И тогда я поняла, что любовь может все. Я должна написать о Барбаре. Тем более что в России ее мало кто знает. Хотя ее музыка и песни имеют самое прямое отношение к тому романтическому (как сейчас стало понятно) времени, в котором мы жили и даже были счастливы. И которое ушло, как уходит каждое время. Остались цвет, звук, голос, воспоминание. Я решила писать о Барбаре и о нашей жизни, которая, хоть и проходила, как казалось, в другой галактике, нашла свое выражение в песнях французской певицы Барбары, урожденной Моник Серф.

ДЕТСТВО

Маленькая девочка с растрепанными волосами,
Которая прятала свои обиды в потерянных садах
И которая любила дождь, и ветер, и всякие пустяки,
И свежесть ночи, и запретные игры —
Когда наступит заветный день,
Мы уйдем с тобой вместе — без прошлого и без багажа...

Из песни Барбары *Sans bagages*

Ранным апрельским утром 1997 года в большом старом доме в местечке Преси-сюр-Марн, что в тридцати километрах восточнее Парижа, у окна, выходящего в сад, сидела немолодая женщина. Она писала предисловие к своим мемуарам — неоконченным, потому что жить ей оставалось ровно семь месяцев. Судя по предисловию, она это знала. Оно очень короткое и обжигает, как ее песни: там неизбывная тоска по концертам, которых больше никогда не будет, по запаху пудры в гримерке, по тому, как отчаянно бьется сердце в кулисах перед выходом на сцену, — и описание сада, который как будто наполнял